

Телевина Катерина

**Пламя
на льду**

Пелевина Катерина

Пламя на льду

<https://litres.ru/74221428>

Аннотация

Я была влюблена в него чуть ли не с десяти лет. Он – известный хоккеист. Лучший друг мужа моей старшей сестры. Когда я была маленькой, он учил меня пользоваться клюшкой и бить по шайбе... А сейчас я выросла. Мне почти восемнадцать. И я ждала его с очередных соревнований. Но он вернулся не один... Правила игры несколько изменились, и теперь я на поле лишняя... Но пламя внутри меня всё ещё тянется ступить на лёд.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	10
Глава 2.	17
Глава 3.	22
Глава 4.	27
Глава 5.	34
Глава 6.	40
Глава 7.	45
Глава 8.	52
Глава 9.	59
Глава 10.	65
Глава 11.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Пролог

От автора: Книга о Кристине и Шолохе. Будут иметь место флэшбеки. Но на момент сближения, все уже совершеннолетние. Спасибо за поддержку и в добрый путь. Погнали! Зарекалась не брать больше четырех книг подряд, но куда ж мне устоять перед такими героями... Обнимаю.

Доманская Кристина (Мелочь)

Воспоминания... Они подобны бенгальским огням... Красивые, яркие и так же быстро сгорают, оставляя за собой лишь обугленный стержень...

– Кристин... Ну!

– Да я же еду к тебе, Витя, чего ты такой вредный!?

– Едет она. А шайбу потеряла, – ржёт мой лучший друг, и я застываю на месте, увидев вдалеке широкоплечую знакомую фигуру...

Нет... Нет, нет... Не может быть.

Как прикованная теперь. С тех пор как мы виделись в последний раз прошло почти два года. Он уезжал за границу. А я... Я ждала, как дура. Просто чтобы увидеть. Чтобы...

– Кристина, блин! – толкает меня в плечо Витька. – Чё за фигня?!

– Отстань! – выпаливаю я, глядя на Илью. Он идёт мимо и

даже не смотрит. Болтает с кем-то по телефону. Улыбается. На улице мороз, а он без шапки. И очень скоро я понимаю, почему. Он садится за руль в свой крутой внедорожник и трогается с места, а я так и смотрю, словно меня оглушило обухом топора. Витька кладёт на меня руку и притягивает к себе.

– Утиии... Шолох вернулся!!! Ну надо же! – издевается он, а я фыркаю, ударив его в плечо.

– Заткнись!

– Всё... Принцесса поплыла... Теперь не дождёшься тебя на стадионе, да, Доманская?

– Отвали, говорю же! Иди к своей Вале! Не беси! – передеваю коньки и смотрю на него. – Я жалкая, да?

– Да.

– Спасибо, – психованно выпаливаю, показывая ему средний палец, хватаю свои вещи и убегаю домой.

Там сейчас только мама. Лена и Саша живут отдельно. У них сейчас Гордей. Всё внимание моему вкусному племяннику, не знаю, станет ли она меня сейчас слушать... И почему Яр ничего не сказал о том, что Илья прилетает обратно?

Вбегаю в квартиру как ужаленная.

– Кристина, ты?

– Я, мам, кто же ещё?!

– Раздевайся, руки мыть и за стол!

– Сейчас! – забегаю в ванную и все щёки красные.

Мне семнадцать... Через пару недель я стану совершен-

нолетней... А Илье... Должно быть уже двадцать четыре. Я должна прийти к нему. Должна показать себя. В последнюю нашу встречу я созналась ему в чувствах. Он сказал, что и так всё знал... И добавил то, что не может так на меня смотреть. Потому что мне шестнадцать. И я младшая сестра Лены... Мне до сих пор больно от этих слов.

Выхожу и сажусь ужинать. Ем со скоростью света, толкая в себя еду, лишь бы поскорее заполнить желудок и бежать.

– Эй, ты куда так?! Подавишься!

– Мам, мне надо будет отлучиться. Я быстро поем и сбегая кое-куда.

– Куда?

– Лена кое-что попросила, – сочиняю я, и она кивает.

– Ладно, хорошо... Странно, что она меня не попросила. Я была у них сегодня...

– Ничего странного, мам... Просто... Срочно понадобилось, – добавляю и мама молчит.

Я же наспех выхожу из-за стола, благодарю маму и бегу на выход. Лишь бы увидеть его... Лишь бы просто поздороваться... Обнять. Сказать, что скучала. Снова попробовать его поцеловать. Это будет моя сотая попытка... Наверное...

Но теперь мне почти восемнадцать. Теперь нет оснований бежать от меня, как от пламени... Верно?

Добираюсь до его дома за десять минут. Звоню и жду, когда мне откроют дверь.

– Кристина...? – Илья замирает при виде меня, а я улыба-

юсь, протягивая ему в руки шайбу.

– Привет. Я скучала. Почему не сказал, что возвращаешься...?

– Илья, слева или справа я не поняла? Какие брать?

Слышу девичий голос и весь мой мир рушится прямо на глазах. Просто разлетается в щепки. Она появляется за его спиной. А я смотрю ему в глаза. Смотрю неотрывно и не могу сделать вдох. В груди так нещадно болит.

– Да любые возьми, я сейчас, – говорит он, и она целует его в щеку, убегая.

– Как её зовут?

– Это... Кристин, слушай...

– Как?

– Ира.

– Ира... Понятно, – улыбаюсь я, смахивая со щёк слёзы. – Что ж... Надеюсь, ты счастлив. Это твоё. – я кладу шайбу на порог его квартиры и, разворачиваясь, убегая оттуда прочь.

– Крис! – слышу в спину, но не останавливаюсь. Смысл мне теперь там оставаться? Ира так Ира. Я себя не на помойке нашла... Ждала его. Два года, блин, ждала. Когда меня звали и в кино, и в кафе, везде. Думала только о нём. Спала и видела. Бредила.

А он приезжает. Весь такой принц на белом коне... Даже не сообщает о себе. Теперь понятно почему все молчали... Теперь мне всё, чёрт возьми, понятно. Бегу по до боли знакомому адресу и долблю в дверь в истерике.

– Блин, Доманская! – открывает Витька. – Только же расстались... Ты чё? Ревёшь что ли?

Падаю ему на плечи и надсадно рыдаю, а он растягивает губы и затаскивает меня в квартиру.

– Заходи, блин, давай. Горемычная. Рассказывай...

Так начинается моя очередная исповедь. Я знаю, что его уже задолбало это слушать... Но кому я ещё расскажу? Если даже родная сестра со мной не поделилась новостями. Видимо, чтобы не ранить, но получилось ещё хуже...

– М-дааааа... Бедолага, – наливает он мне чай. – И чё будешь делать?

– Ничего... Что мне остаётся?

– Ау, Доманская. Тебя чё инопланетяне подменили?

– Да иди ты!

– Крестинка, дай ему бой. Ты же пламя. Так спали этот лёд к чёртовой матери, – уверенно заявляет он, ухмыляясь. Он, конечно, всегда меня поддерживает, но это... Это даже не план, а голое наставление!

– Как его спалить? Одно дело, когда он был свободен... А сейчас...

– Девчонка не стенка, подвинется. Крис, ты как в первый раз, реально!

– Я в первый раз, ау!

– Ай, всё. Нытик. Руки в ноги. Похер на эту Иру. На игру его пойдёшь. Поняла?

– Я даже не знаю, когда он, блин, играет или тренируется...

– Ну, Яр сто процентов знает.

– Да, ты прав... Он, наверное, знает... Но Илья явно будет там с этой Ирой.

– Вот и отлично. А ты будешь со мной.

– Что?

– Что-что, Доманская, не тупи! Если я что-то знаю о чувствах, так это то, что самый главный их двигатель – ревность.

Смотрю на Витьку и подвисаю... Поверит ли Илья в наш союз? Будет ли ревновать? И как у них серьёзно с этой самой Ирой? Как взять себя в руки и перестать думать об этом... Стать для него тем самым пламенем... О котором говорит мне лучший друг?

Глава 1.

Доманская Кристина (Мелочь)

– Кристин, мы не могли сказать... У меня язык не повернулся, – признаётся сестра, раскладывая вещи. – Мы её даже не видели. Он говорил, что хочет познакомить...

Ммм... Познакомить... Всё так серьёзно... Хотя, чему я удивляюсь, если она торчала у него дома.

– Она из другого города, да?

– Якобы на сборах познакомились. Не знаю уж, что она там делала...

– Ты же расскажешь мне... Об их отношениях? Что и как?

Сестра хмурится, но кивает.

– Гордюша в саду?

– Да, а мне уже пора на учебу, Крис. Осталось полгода. Надо дожать...

– У Саши всё нормально?

– Он пока начинает... Его надо поддержать. Собирается открывать своё. И ему, естественно, страшно. Да и мне тоже, Кристин. Очень.

Лена одевается, а я смотрю в зеркало. Надо спросить. Пора... Куда уже тянуть?

– Не знаешь, когда и где у Ильи следующая тренировка?

– Так... Зачем тебе? Крис... М?

Я молчу и смотрю на неё круглыми глазами.

– Ты снова что-то задумала, так?

– Так ты скажешь или нет?!

– Если узнаю, скажу. Пока не в курсе, – отвечает она недовольно. – Вот возьми денег. Мама не берёт, так хоть ты возьми.

– Вы сами пока на ноги не встали, – всё же перенимаю деньги и убираю в карман, иначе не отстанет. Хотя и мне они не лишние.

– Успокойся, у нас всё нормально...

– А Илья, видимо, поднялся... Приехал весь такой... На новом внедорожнике.

– Он опять этот суперкубок получил... Команда несколько раз выиграла турниры.

– Понятно... Не сомневалась в нём.

– Кристин, – Лена подходит и смотрит мне в глаза. – Не прошло, да?

Мотаю головой и чувствую, как они слезятся.

– Конечно, нет... Ты ведь знаешь, как я к нему отношусь.

– Знаю, малышка, – Лена прижимает меня к себе, а я утыкаюсь носом в её плечо.

– Не знаю, чем заслужила... Я думала, ему в принципе не нужны отношения... Думала он... Просто не успевает. Не хочет. А тут... Эта Ира... В ней даже ничего особенного...

– Малыш, во мне тоже ничего особенного...

– Не правда!

– Ох, Кристин... – смеётся сестра. – Успокойся... Может,

всё не так плохо.

– Если узнаешь что-то... Расскажи, прошу. Всё-всё. Что угодно! Я ещё вечером к вам приду! Позвоню тебе, хорошо?

– Хорошо... Или напиши... У меня пары до шести. Распределение дипломных работ.

– Удачи тебе, родная.

– Спасибо, сестрёнка.

Когда я уйду, все мои мысли о нём. Как и вчера, и каждый день. Я даже не знаю, как смогла доучиться, потому что вся голова забита. Каждый раз я смотрю на его аватарку в соц. сети и жду, когда появится статус «онлайн». Но он заходит так редко, что я скорее дождусь вторжения инопланетян.

Иду и распыливаю снег под ногами. Когда у тебя такой настрой, тебе всё не мило. Я не понимаю, как я могу ненавидеть абсолютно незнакомого мне человека... Но я её ненавижу. Всей своей душой, если таковая вообще имеется. Все просмотренные сериалы, фильмы о любви, прочитанные книги несли в себе какую-то боль и переживания, но на деле эти душевные муки намного-намного ужаснее. Словно мне вырвали сердце.

Наверное, они сейчас проводят время вдвоём, и он обо мне даже не вспоминает... Наверное, он счастлив с ней. А она с ним. Ещё бы эта кикимора не была счастлива. С ним бы любая была. Это ведь мой Илья. Самый добрый, самый потрясающий и классный парень на свете...

Пока иду даже не замечаю, как за мной кто-то увязался.

Осознаю это только тогда, когда у меня с руки сдирают сумку и бегут, а я бросаюсь вслед за ним.

– Верни! Эй, верни мне сумку! Помогите! – визжу во всё горло и гоняю его по району. Хорошо, что на мне обувь без каблуков, но даже так мне тяжело его догнать. Кто-то пытается мне помочь, но зацепить его не удаётся, пока вдруг...

Я не вижу знакомую фигуру, обхватывающую вора за грудную клетку и валящую его на землю лицом в снег. Сердце носится в груди как сумасшедшее. Мало того, что бежала, так ещё и он... Не могу успокоиться и вдохнуть воздух.

– О, боже... – выдыхаю, склонившись, и осматриваюсь на предмет той самой Ирины.

– Возьми, – протягивает он мою сумку. – Ну а с тобой чё? В ментовку поедешь?

– Не надо, пожалуйста, – просит парень на вид лет пятнадцати, и мы с Ильёй переглядываемся. – У меня родители пьют...

– Отпусти его... – вторю, испытывая муки совести.

– Не воруй, блин, больше. Иди устройся грузчиком на вокзал. Там есть Гоша. Спроси его. Скажи от Ильи. Они нормально платят, – выдаёт он, и парень судорожно кивает. Илья встаёт и даёт ему возможность убежать, и мы остаёмся с ним наедине.

– Ты как? – отряхивается он от снега. Смотрит так, словно жалеет меня. И мне от этого тошно.

– Нормально, я к своему парню шла, – говорю психованно

и поправляю шапку. – А тут этот...

– М... К парню, – повторяет он мои слова. Да с таким скептицизмом, что бесит меня.

– Ну да, сейчас, погоди, мне позвонить ему надо, а то он ждёт, – достаю телефон и набираю номер Вити, пока внутри меня всю неистово колотит.

– Доманская...

– Родной, я задерживаюсь, – игриво произношу я. – Представляешь, у меня чуть сумку не украли. Но я уже лечу к тебе.

– Ты что головой ударилась? Набухалась?

– Нет, – сцепив зубы, говорю я. – И я тебя. Да. – флиртую с тупым лучшим другом.

– Дура, Крис... Аааа... Там этот твой...

– Наконец-то, – ворчу я, улыбаясь и поглядывая на Илью. Пытаюсь понять, если там что-то от ревности, но чувство, будто ни следа.

– Доманская, у тебя там слюни, наверное, до пола висят.

Как же хочется его ударить. Просто по башке. Одним чётким ударом. Козёл.

– Ну, ладно, я уже бегу, – сбрасываю, чтобы не наговорить лишнего, а сама смотрю на Илью. Он даже не моргает. Интересно, где его девушка...

– Тебя проводить? Одной идти опасно с твоей способностью наживать проблемы.

– Проводи, если можешь, – естественно, я радуюсь любой

возможности. Мы идём рядом, и я поглядываю на него. Какой он высокий, статный, сильный... Прямо как Ленин Сашка...

– Ты уже заканчиваешь, наверное?

– Да, через две недели мне восемнадцать, – говорю ему, и он кивает.

– Помню, да... 27 февраля.

– Угу... Ты... Придёшь?

– Ну, если твой парень не будет против.

– А твоя девушка?

– Я с ней поговорю, – отрезает он, а я злюсь. И на себя, и на него, и на всю ситуацию в целом. Раздражает!

Витька живёт в соседнем доме. И я реально веду Илью к его подъезду. Просквозило ли тут ревностью? Или мне показалось?

Смотрю на него и весь мир переворачивается с ног на голову. Я всю жизнь мечтала о том, чтобы быть с ним. Всю свою сознательную жизнь.

– Ладно, я пойду, раз мы пришли, – говорит он, а я тянусь его обнять. Вжимаюсь носом в его шею и обхватываю рукава куртки пальцами. Не хочу отпускать. По всему телу бегут мурашки, даже под тёплым пуховиком.

– Крис... Мне уже надо идти, – говорит он, и неожиданно створки окна на втором этаже открываются. И раздается кашель Витька.

– Кхм... Я вам не мешаю?

Отпрянув от Ильи, смотрю на лучшего друга. Понимаю, что он делает это специально. Особенно после его слов. — Кристина, поднимайся. — будто сердитым басом говорит он и сверлит Илью ненавистным взглядом. А потом захлопывает за собой окно.

— Это твой парень? — переспрашивает Илья. — Не слишком взрослый для тебя?

— Витя — мой одноклассник.

— Ясно, — холодно отвечает он. — Проблем не будет?

— Что? Нет! — выпаливаю я. Очевидно, он подумал, что Витька будет на меня наезжать.

— Ладно, я пошёл.

Секунды не проходит, как он разворачивается и покидает двор, а меня не держат собственные ноги... Когда же эта дурацкая влюблённость пройдёт, и я смогу жить полноценной спокойной жизнью?

Глава 2.

Илья Шолохов (Шолох)

Мелочь... Каждый раз, когда я вижу её, у меня внутри всё горит. Ни лёд не спасает, ни клюшка. Я знаю, что нас с ней многое связывает, но как мне, блин, выбросить из головы её детский образ? Она до сих пор видится мне одиннадцатилетней врединой, которая доставала меня расспросами о поцелуях. Как мне смотреть после этого Яру в глаза? Да и вообще... Чувство, будто я какой-то неправильный. У нас с ней разница почти семь лет. Ей впору с одноклассниками встречаться. Так почему, стоит мне услышать об этом, как меня всего дерёт изнутри?

Я встретил Иру в перерыве между туром. Временно жил в Смоленске. Там мы и познакомились пару месяцев назад. Все эти два года без Мелочи я пытался не думать и не вспоминать. О том, как она пыталась поцеловать меня на моё двадцатидвухлетие.

Пока Яр с Леной укладывали мелкого, а мы остались наедине у них в квартире... Это был такой п*****. Я же знал, что мне только дай ощутить её взрослой... Только дай почувствовать. Как я уже могу и не остановиться. Поэтому она мазнула мою бороду своими пухлыми губами, а я тут же выпрямился во весь рост, обхватив её за тонкие плечи. Мои глаза в этот момент надо было видеть. Я ощущал себя вши-

вым щенком.

– Крис... Тебе шестнадцать. Ты...

– Ну и что?

– Ты маленькая ещё. Я слишком взрослый для тебя.

– И когда я стану немаленькой для тебя? В восемнадцать?

– Не знаю... Но не сейчас явно.

Конечно, она тогда расстроилась. Да я и сам чуть с катушек не слетел. А теперь... Ира, её этот парень-одноклассник... Осознаю, что всё стало только сложнее. И что делать ума не приложу.

Шёл мимо и увидел, как какой-то упырь удирает от Кристинки с её сумкой. Естественно, я не мог не вмешаться. И опять судьба играет с нами какие-то шутки. Яр снова скажет мне, что я придурок.

«Надо брать», – слышал я от него раньше. – «Как подрастёт».

Шутки он шутил... Козлина.

А у меня в груди какая-то атомная бомбардировка творится.

– Ты вернулся, – встречает Иринка на входе. – Твой папа тоже недавно приехал.

Она не избалованная фифа. Обычная девушка. Ей двадцать два. Только закончила университет. И поехала со мной навестить отца, познакомиться. Возможно, остаться здесь... Или же... Мы пока не думали.

Я захожу в ванную помыть руки и меня всего колотит.

Вспоминая, как Кристинка прижалась и не хотела отпускать. Почему у меня внутри всё из-за этого расходится? И стыдно, блин, и паршиво, и гадко. Всё сразу.

Если я что-то к ней испытываю, зачем тогда поступаю так с Ирой? Но не могу я, блин, быть с Кристинкой. Мы разные. Настолько, что я не представляю, как с ней совладать. Плюс помню её ребёнком. Несмышлёной противной занозой...

«А ты любишь целоваться? Тебе нравится кто-нибудь? Когда я вырасту, ты на мне женишься. Илья, научи, Илья, прокатись со мной. Ты красивый. Такой хороший. Я никому тебя не отдам». И это с самого детства... Это просто какая-то мания... Незакрытый детский гештальт или типа того... Она что-то надумала, и я, блин... Я...

– Илья, ну, ты скоро? – звучит голос Иры за дверью.

– Да, выхожу, – мою руки и иду за стол. Чувствую себя последним уродом. Реально каким-то кретином. Если у Кристинки самой есть парень, чего тогда заплакала, когда увидела мою девушку? Почему повела себя так? Она же могла зайти, познакомиться. Сказать, что рада за меня... В конце концов. Но выглядела как искренне ненавидящий меня человек... Да ещё этот её здоровый лоб, выглядывающий из окна. Ни хрена он не тянет на её одноклассника... Или с её габаритами я забыл, как выглядят в восемнадцать...

– Я на стол накрыла...

– Спасибо, – садимся втроём, а у меня все мысли о Мелочи. И плохие, и хорошие. Вплоть до того, что она готовит

чёртов гуляш вкуснее. Это как вообще понимать?

– Ты задержался, – улыбается Ира, вопросительно на меня глядя.

– Встретил знакомую.

– Какую? Ту, что приходила вчера?

– Да, её...

– Которую, – спрашивает отец?

Блин... Вашу мать. Понеслось.

– Кристина забегала.

– А, – улыбается он, чем несусветно меня палит. – Кристиночка...

Я смотрю на него, она на меня. И в кухне стоит неловкая тишина. Походу, что-то она всё-таки поняла...

– Давайте есть, – прерываю я, пытаюсь отвлечься. Неловко. И более того... Я абсолютно уверен, что снова буду думать о ней.

Когда остаёмся с Ирой в моей комнате, она подкрадывается и обнимает за плечи.

– Это твоя бывшая? – спрашивает, заставив меня занервничать. Я чуть ли не языком давлюсь, хотя ждал чего-то подобного....

– Нет... Это младшая сестра супруги лучшего друга.

– Яра?

– Да... Именно.

– Понятно... Она будто выглядела расстроено, когда меня увидела?

– С чего ты взяла? Нет. Просто я не предупредил, что приеду. Она хотела сделать сюрприз. И тупо, в общем, вышло...

– Да уж, тупо... Я приму душ?

– Да, хорошо...

Провожая Иру взглядом и делаю самое тупое, что только можно... Врубаю компьютер и лезу на её страницу в соц. сети...

Кристинка-цветочек Доманская... Как всегда, в хоккейном обмундировании с клюшкой в руке... Вот как на неё, блин, не смотреть? У меня кишки все скручивает от этого её «А когда я стану немаленькой для тебя? В восемнадцать?»... Ведь она не просто чуть-чуть изменилась... Она именно выросла... Но где-то всё та же Мелочь, которую я помню.

Ладно, к чёрту. Ноги в руки. И вперёд.

Илья Шолохов: «Давай поговорим, завтра в семь на стадионе. Буду ждать тебя там»...

Глава 3.

Доманская Кристина (Мелочь)

– Вот, – показываю Вите сообщение, и он лыбится.

– Ну, всё. Чё ты паришься? Он на крючке.

– Как это?

– Так. Ты не пойдёшь туда...

– Почему это????

– Проясним кое-что... Ты всегда бежала, когда он звал. Ты всегда бегала за ним. И тут стоило ему написать, собираешься так легко сдаться? Нихера. Пусть мучается.

– А если он и не собирается мучиться? Если ему вообще наплевать? Не все парни хотят поговорить для того, чтобы что-то обозначить... Вдруг он хочет сказать, что ничего не может быть...

– Ага, конечно. Доманская, не тупи. Он сто процентов написал не для этого. Теперь твоя задача ломаться.

– Не смогу, Вить, не смогу... Я хочу увидеть его, – строю несчастную гримасу и сжимаю в руке телефон.

– Пипец... Крис. Так нельзя.

– Ну... Давай... Давай хотя бы из кустов понаблюдаем?

– Ты дура, да?

– Нет, блин. Я по нему скучаю. Вдруг он скажет, что тоже? Вдруг он осознал?

– Или он скажет, что женится на этой Ире. А ты будешь

рыдать до самого выпускного. А там нажрёшься и мы переспим.

– Фу.

– Вот и я о том же.

– А если не пойду, буду жалеть всю свою жизнь...

– Ой, Доманская, не драматизируй. Давай лучше кинчик врубим.

– Нет... Дай мне форму! И клюшку! Дай!

– Блин... Ты такая противная и насточивая, в курсе? Бери.

– Всё, отлично. Витька – ты самый лучший, – обнимаю его и нагло лезу в его рюкзак за формой, а потом вытаскиваю его из квартиры, потому что до встречи с Ильёй остался всего час. Я не смогу не пойти... Не смогу!

– Занесёшь потом, – кидает он напоследок и выходит из моей квартиры. А я... Начинаю собираться. Приду заранее и буду кататься там. Буду играть в одиночку. Словно он мне и не нужен... Да кого я, блин, обманываю? Нужен, конечно, нужен!

Тепло одевшись и напялив сверху Витькину экипировку, скорее бегу на стадион. Сердце в груди наяривает тройные тулупы. А я жду его и катаюсь при свете фонарей. Пока вдруг...

– Слэпшот! – кричит Шолох басом и бросает шайбу в мои ворота. – Гол!

– Нечестно! – выдаю, обернувшись, когда он подъезжает ко мне.

– Привет, Мелочь. Всё честно, играем?

– Ты что на коньках приехал?

– Я в тачке переоделся.

– Ты на машине?

– Ну... На случай, если ты замерзнёшь. Так играем или на банке сидим?

Я киваю «играем», а он смотрит на меня своими огромными серыми глазами. Буквально заглядывает ими в душу. И так всегда.

– Готовься, Мелочь. Будем плавить лёд.

От каждого его слова внутри всё трепещет. Вот зачем позвал, если не для этого...? Хотел ведь со мной провести время. Я вижу, что хотел. И когда гоняем по стадиону, и когда он забивает мне пятый год подряд.

– Там Яр что ли? – спрашиваю и, пока он отвлекается, обвожу его. Хохочу во всё горло. Не успеваю завершить финт, как он подхватывает меня на руки.

– Хитрожолая, – усадив меня на скамью, тяжело дышит, шмыгая носом, и смеётся вместе со мной. Пар идёт изо рта. Мы зависаем, пока рассматриваем друг друга в тишине.

– Ну что там твой парень? – интересуется он, будто издеваясьсь.

– А что твоя Ира?

– Об этом я и хотел с тобой поговорить, по правде говоря...

Заявляет он и я смотрю на падающий на фоне света от

фонарей снег. Он ложится на его лицо и тает прямо на глазах. Красиво и бесконечно волнительно... Его кожа – кипяток... Я, даже не прикоснувшись к нему, это знаю...

Илья смотрит и тянется ко мне. Притягивает, обнимая, и целует в лоб.

– Пойдём... Поговорим в машине, ладно? Всё равно здесь холодно... Ты замёрзла.

– О чём поговорим, Илья? Давай ты скажешь прямо. Не хочу выглядеть идиоткой! – хмурюсь я в отчаянии.

– Кристина... Пойдём в машину.

– Нет, давай здесь! Я не сяду!

– Почему ты такая вредная, а? Такая невыносимая?

– Я невыносимая?!

– Ты, блин, ясное дело, ты!

– Ты уехал на долгих два года! Ты знал, что я чувствую, и ни слова не сказал мне! Вернулся с девушкой, блин!!! Вернулся и...!

– А ты?! Ты при этом что тут делала? Не то же самое, а?! Знакомься, Илюша, это мой парень Витенька! То есть, только тебе можно заводить отношения?! Я правильно понял?

– Какой же ты... Ты... Ненавижу тебя!

– Пойдём уже в машину и нормально поговорим, Кристина! – выкрикивает он, а меня всю колотит. Я уже разошлась. И не могу уговориться. Я же такая. Скандалистка. У меня дурная бурлящая кровь.

– Никуда я с тобой не пойду! И, да, у меня парень. А тебя,

наверное, уже девушка ждалась! Всего хорошего!

Едва разворачиваюсь, как меня жестко дёргают за рукав на себя, и я заваливаюсь прямо Илье на руки. А он... Бесцеремонно и нагло целует меня... Целует прямо в губы. С языком. По-взрослому...

А я и целоваться-то толком не умею. Знаю всё это только по книжкам и фильмам... Правда то, что я читаю и смотрю нельзя назвать детским жанром, далеко нельзя, но одно дело смотреть, а совсем другое – делать...

Но сейчас...

Я просто вишу у него в руках и таю.

В один момент чувствую прилив силы в своём теле. И мои пальцы сжимают его плечи. А он толкается всё ближе ко мне, словно захватывая пространство вокруг меня. Вытягивает всю мою энергетику...

Я всегда знала, что первый поцелуй должен быть прекрасным, но это... Это он. Мой первый и единственный во всех смыслах парень. Мой Шолох. Я не хочу отдавать его никому другому. От движений его языка, от вкуса его губ под ложечкой сосёт. Я осознаю, что мы с ним целуемся уже точно больше минуты. Его щетина царапается. Его язык терзает мой рот... А его плечи... Божечки, они такие широкие и сильные. И я совсем теряю себя от этих насыщенных ощущений.

Это всё, о чём я могла мечтать...

Глава 4.

Илья Шолохов (Шолох)

Остановись, блядь, придурок. Хера ли ты делаешь?!

Я даже глаза боюсь открывать, потому что точно сейчас отстегнусь, нахрен. Не бывает же ж так с поцелуя, да? Хочется спросить... Только вряд ли она мне ответит. Это я должен знать, здоровый лоб, перецеловавший, наверное, с двадцатку девчонок. Почему сейчас стою как придурок, целую малолетку, а у самого стояк, походу, с космоса видно. Что это, мать вашу, такое? Как она на меня влияет? Я же всегда кремень. У меня выдержка хоккеиста. У меня... Характер спортсмена... И что я имею в итоге?

Илюха, ты тряпка в реале. Кое-как торможу бешеную дышалку. Если я сейчас не заставлю себя оторваться, я её тут сожру, нахрен.

Почему так ноет? Почему скулит внутри, будто зверь какой завывает. Я всё это впервые ощущаю. Я сейчас такой же неопытный малолетка, как и она.

Сердце в груди продолжает наяривать, хоть и дышу через раз. Чего добиваюсь? Хрен его знает. Кажется, напрочь мозги все отшибло.

Отрываюсь от Кристинки, а она вообще не дышит. Губы все красные. Глаза испуганные огромные ошалелые. А у меня язык прилипает к нёбу, словно в него вкололи паралитик.

Не чувствую... Нихрена кроме тяги к ней не чувствую.

– Я... Не знаю, как так вышло... Поговорить с тобой хотел, – буравлю её взглядом, а она так и молчит. – Пошли, короче.

Тяну её в машину, а у самого сердце охреневшим гулом затмевает все мысли. Чё говорить? Как вообще объяснить то, что сделал? Нихрена не понимаю. Но целенаправленно тащу Доманскую до своего лексуса.

Открываю дверь и помогаю забраться, потому что Мелочь есть мелочь. Они обе с сестрой сто пятьдесят. Коротышки.

Обхожу тачку. Если бы курил, точно бы задержался на улице, так был бы повод привести мысли в порядок. Но сейчас у меня такой возможности нет.

Когда оказываемся в салоне наедине, она смотрит на меня так, словно ждёт самых важных слов, а я чувствую, что налажал. Конкретно так, жёстко налажал. И со всей этой дурной хернёй в своей голове в уголочке таится одна сумасшедшая мысль. Мне пиздец понравилось целовать её. До какого-то, блин, иступления.

– Пока ты всё не испортил... Я скажу, что это... Было... Что... – она отворачивается, несколько секунд смотрит в тёмное окно, надсадно всхлипывает, а потом снова смотрит на меня заплаканными глазами. – Ты хочешь сказать, что этого не хотел, да? Что... Всё вышло случайно? И позвал ты, чтобы...

– Кристина, остановись, – говорю я, сжимая руль, и роняю голову на свои руки. Несколько секунд просто пытаюсь оды-

бать. Взять ситуацию под контроль. Потому что ни я, ни она сейчас не способны здраво рассуждать.

– Давно вы с этим... Парнем?

– Нет... Не... Недавно, – отвечает она, почти заикаясь.

– Ладно... Я позвал, чтобы объяснить всё. Мою девушку зовут Ира. Мы вместе пару месяцев. Я... Честно, до последнего не ожидал, что сорвусь. Что так получится...

– Ты это про меня? Или про неё, не понимаю, – выдаёт она с укором, прожигая меня своими карими глазами. А глаза у Мелочи просто жёсть какие горячие. Они всегда такими были, а когда выросла, вообще может испепелить вокруг себя даже всё чёртово хоккейное поле.

– Я говорю это про наш поцелуй. Я зря это сделал. Потому что. Блин. Кристина. Потому что я в отношениях с другой. И ты с другим. Сама понимаешь... Крис, ну не смотри так на меня.

– Как?

– Осуждающе... С ненавистью.

– Уж как есть, прости.

Смотрю на неё и сердце кровью обливается.

– Думаешь, мне так легко?

– Думаю, да. Очень даже, Илья. Ты весь такой из себя, приехал со своими кубками. Привёз девушку, а теперь дурачишь мне голову, будто я и не человек вовсе!

– Блин, да не так это! Я тупо сорвался. Так бывает, когда...

– Когда что, Илья, ну, когда что?! – она пыхтит, а потом

начинает меня бить. Хлестать по грудной клетке.

– Трус! Эгоист! Предатель! Ненавижу, – рычит она на меня, как настоящая львица, блин.

– Прекрати, – перехватываю её руки и пытаюсь остудить это разбушевавшееся пламя в лице Кристинки. – Угомонись, блин!

Сжимаю тонкие запястья. Смотрю на порозовевшие щеки и алые губы. Всё внутри как током бьёт. Пульсирует. Не понимаю своих желаний. Себя не понимаю... Со мной творится какая-то нездоровая херня.

– Отвезу тебя домой...

– Себя отвези, а меня вообще не трогай больше и не пиши никогда, понял?!

– Да стой ты, – не выпускаю её из салона. – Мы можем повзрослому? Тебе надо подумать. Мне надо. Неужели ты не видишь, что происходит?

Сталкиваясь взглядами, между нами возникает лютое сопротивление. Я знаю, что она умеет давать отпор. И нападать тоже умеет. Я, блин, всегда это знал. Даже когда ей было десять. Она с таким гонором швыряла мне шайбу, что мне было не по себе.

Но, блин... Сейчас зачем воевать?

– А что происходит, Илья? – переспрашивает она, стискивая челюсть.

А я не отрываю от неё своих глаз. Тонкие ровные брови сведены на переносице. Не моргая, она ждёт от меня прав-

ды... А я не собираюсь носить в себе, нахер. Задолбало быть для всех хорошим. Поперёк горла уже.

– Меня душит это... Что ты младше. Что сестра Ленки. До сих пор душит. Хз в чём причина.

– Мне почти восемнадцать, Илья. Разница всего шесть лет. Это глупо.

– Я знаю... – сжимаю руль до побелевших костяшек. – Но и мы с тобой... Мы некрасиво поступаем. По отношению к тем, с кем мы в отношениях. Так?

– Мне плевать на неё, – с пренебрежением выдаёт она, и тут меня прорывает.

– А мне нет. В этом вся разница между нами. Мы разные. Ты как огонь. Сжигаешь все мосты. Расходишься на ровном месте. Сводишь с ума. Я не такой... Я пытаюсь быть спокойным. Пытаюсь соблюдать баланс. Везде. В соревнованиях, в жизни, в отношениях. Я не могу постоянно гореть, Кристина. А с тобой именно так. Мы вообще друг другу не подходим...

– Знаешь, что?! Пошел ты нахрен, Шолохов! – вспыхивает она снова. – Вот тебе баланс! – показывая мне два средних пальца, она выпрыгивает из машины и громко хлопает дверью. Твою мать... Ну вот как мне с ней тягаться? Как мне такую усмирить? Это не для моего, блин, нрава...

– Кристина, стой, – выпрыгиваю следом и снова бегу за ней. – Стой, давай мы спокойно всё обсудим.

– Нечего обсуждать. Мы разные! А тебе удачи со спокой-

ной уравновешенной Ириной!

– Да, блин, ты же сама всё это и подтверждаешь! Что ты как ребёнок, Доманская?! – кричу ей вслед, а она снова показывает мне два пальца. Прусь за ней на расстоянии. Потому что на улице поздно. И проводить надо. А ближе она не подпускает, сразу начинает бежать и посылать меня на все четыре стороны...

– Крис, ты придёшь завтра к Яру с Леной? – Молчание. – Кристин...

– А что такое? Хочешь Иришу туда привести? Не волнуйся! Я тоже буду, и Витя будет обязательно!

Бля... Да она меня дрочит. Реально.

– Я спросил, потому что сам собирался. Думал, остынешь до завтра. И заново поговорим...

– Шолохов, – оборачивается она ко мне возле подъезда. – Я, может, и огонь. Может и импульсивная, но зато честная. Знаешь, как я любила тебя? Если бы ты только знал... Я бы для тебя всё. Я сама бы была всем, Илья! Но сегодняшними заявлениями ты во мне всё уничтожил. Вообще всё, Илья. Поэтому слушай в последний раз. Хочешь пресной скучной жизни, валяй! Сердцу спокойней будет. Обернёшься в сорок лет и ни черта не вспомнишь. Ни как жил, ни как любил. А я буду гореть. Каждый день буду гореть и любить как умею. До умопомрачения! Только не тебя уже. Переболело и отпустило. Не пиши мне больше и сделай одолжение – забудь о моём существовании!

Она кидается в подъезд, а я сжимаю челюсть. Впервые чувствую, как от слов плавится грудная клетка, будто там устроили настоящий пожарище.

Вот об этом я и говорю...

Там, где она, с моим сердцем что-то происходит. Мало того, что оно дурит, так ещё и жить нормально не даёт. И как держать голову холодной, если она любого доведёт до нервного истощения...? Даже меня. Особенно меня.

Переминаюсь с ноги на ногу. Чувствую себя идиотом.

«Каждый день буду гореть и любить как умею. До умопомрачения! Только не тебя уже»...

И почему именно от этих слов внутри всё превращается в пепел? И как справляться с эмоциями, когда она так мастерски ими манипулирует?

Горю, нахрен. Продолжаю гореть. Со всеми, мать вашу, вытекающими...

Глава 5.

Доманская Кристина (Мелочь)

Какой должна быть любовь? Сильной и безудержной? Или спокойной и умеренной? Почему моё сердце сейчас истошно ревёт в грудной клетке?

Он хочет покоя, хочет всю жизнь прожить и притворяться? Ну и пусть!

А я полюблю другого. Всю свою любовь ему отдам. Я хочу безумия, хочу таких чувств, от которых внутри всё закипает, а он может делать что хочет со своей Ирочкой!

Весь следующий день я схожу с ума, пока Лена не говорит мне, что они ждут у себя. И что Илья тоже приехал... Приехал с ней. Сначала я не планирую идти, но когда пишу Витьке, он уверяет, что я просто обязана это сделать. Даже если назло. Мы встречаемся, и он смотрит на меня с жалостью.

– Делай вид, что тебе вообще на него плевать.

– Ага, легко сказать, – бурчу себе под нос, пока дверь в квартиру не открывается.

– Прииивееееет, – встречает Лена на пороге. Слышу голоса Ильи и Яра, мне становится не по себе. Но Витька очень быстро берёт ситуацию в свои руки. Обнимает, помогает раздеться. Толкает меня ко всем...

И эта здесь. Сканирует меня с головы до ног. Интересно, почему такая реакция? Он что-то рассказывал? Не забыл ли

упомянуть о наших поцелуях...

– Привет, Мелочь, – прижимает меня к себе Яровой. – Показалось, подросла на сантиметр... А нет. – они оба начинают ржать надо мной, а я кошусь на них.

– Привет, Кристина, – здоровается Илья, но я игнорирую. Пошёл он на хрен.

Отхожу к Витьке, а тот, добрый жук, жмёт меня к себе и тискает у Ильи на глазах. Если бы его девушка Валька это видела, она бы нас обоих прибила. Даже если всё ради дела...

– Ну что... За стол тогда?

– Где Гордюша-то?

– Да он на кухне, таскает конфеты, – смеётся Лена, и я иду туда.

– Тётя Кристина! – ручки тянутся ко мне, а я удивляюсь, как он быстро растёт. Неделью назад видела, а ощущение, будто ещё больше стал.

– Привет, мой медвежонок... Ты тут конфетки кушаешь?

– Я тут прячу клад, – говорит он и показывает мне кучу фантиков за столом, а я смеюсь.

– Ага. Вижу. Молодец...

– Дядя Илья приехал тоже?

Из уст племянника звучит так, будто он привык, что дядя Илья и я – связаны. Интересно... Наверное, мне стоит меньше о нём говорить...

– Приехал, да. Сейчас все пойдут за стол, так что прячь свой клад получше, – шепчу я и целую племянника в щёку.

Но неожиданно в кухню заходит Илья.

– Привет, бандит, это тебе, – он протягивает ему какую-то крутую машину на радиоуправлении, и Гордей тут же хватается её, позабыв про то, что я рядом.

– Что нужно сказать? – кричу я ему в спину, а он уже удирает и визжит от счастья:

– Спасибо!

Я молча пытаюсь выйти, но Илья хватается за руку. Смотрит в глаза, а я психованно вырываю её и игнорирую его наглость. Просто выхожу оттуда и предлагаю поставить стол в гостиной, а потом помочь Лене накрыть его. Все соглашаются. Там больше места.

Илья всё время смотрит на меня. А я играю свою роль. Жмусь к Витьке. Всячески с ним нежничая. Даже Лена пучит на меня глаза, находясь в шоке, от того, что я устроила. Но... Я всё решила. Раз он так больно ранил меня, значит, и я буду бить с той же силой. В любви, как на войне, все средства хороши.

– Очень вкусная курица, Лена, – писклявым тоном говорит Ирина, и сестра благодарит.

– Мясо Саня делал, сто процентов! – выдаёт Илья, и Сашка кивает.

– Я, конечно. Не доверяю это дело никому больше. Гордюх! Ты где там у нас?

– Пап, я щас!

– Да он играет, не лезьте к нему, – прерывает Илья. – Дай-

те парню побалдеть.

– Ты прав, – улыбается Ира.

– Как она меня бесит, – шепчу я Витьке, а тот лыбится.

– Какая же ты ревнивая стерва, – шепчет он в ответ. Так и перешёптываемся. Со стороны выглядит как флирт, а на деле...

– Кхм-кхм, – кашляет Илья. – Может немного поговорите с нами?

– Мы и так говорим, – осекаю я, сжимая ногу Витьке. От напряжения меня всю колбасит. Чего он, блин, добивается? Если так сильно ревнует, тогда какого чёрта припёрся сюда с ней???

– Ира, а ты учишься где-то, работаешь? – нагло встревает Витёк, а у меня случается ступор. Какого чёрта он делает?

– Я закончила, но не работаю... Пока...

Сверлю Илью взглядом. Вспоминаю его жаркий поцелуй. Ненавижу. Всё тело будто наполняется электричеством.

– Понятно. Кристина у нас собралась поступать на дизайнера, – добавляет Витя, а мне становится неловко. Зачем он это сказал?

– Да? Ты не говорила, – удивляется Лена. – Это круто. У тебя точно получится.

– Спасибо, – отвечаю, пожав плечами. – Если я что-то и умею, кроме как сжигать мосты, так это создавать красоту.

– Ты и готовишь прекрасно, – влезает Витя, сильнее прижимая меня к себе и чмокая в щёку.

– Спасибо...

Лена просто в шоке от нас с другом. Яр вообще уже, кажется, скоро лопнет от смеха. Он точно всё понимает. Всегда всё замечает. Видимо, на собственных граблях. А Илья... Я же не слепая. Он злится. Нервничает. Но это и есть показатель того, что у нас всё получается, как надо...

Проходит немного времени. Все разбредаются кто куда.

Пока Яр и Витька курят, я помогаю сменить тарелки для десерта.

– Кристин... Ты уверена, что правильно поступаешь? – шепчет Лена.

– Нет.

– Может, не стоит?

– Не знаю, – пожимаю плечами.

– Мама, смотри, тут ещё один режим есть, – тараторит Гордей, влетая на кухню. А я выхожу в зал и становлюсь свидетелем ссоры Ильи и этой самой Ирины. Молча ставлю тарелки на стол и выхожу.

– Нет, я же вижу! – слышу в спину и понимаю, что речь идёт обо мне. Ну и пусть. Ей тут не рады. Она должна осознать. Притворяться я не собираюсь.

Сажусь напротив сладкой парочки и наливаю себе сок. Кроме нас троих нет никого, и я поглядываю на них по очереди равнодушным ледяным взглядом.

– Кристина, ты на меня за что-то сердишься? – спрашивает его спутница, а мне хочется смеяться. Не то слово. И не

строй из себя овечку, будто ни черта не понимаешь.

– Ничего не хочу говорить, потому что не намерена портить вечер своей сестре.

Ира замолкает, а Илья закатывает глаза.

– Впрочем, твой спутник сам может рассказать, на что я могу сердиться. Думаю, он догадывается. А, может, у него кишка тонка...

– Кристина! – рявкает Шолох, Ира хмурится, а я дёргано выхожу из-за стола на кухню. Пока остываю там, меня всю колотит. Хорошо, что никого больше нет рядом, иначе бы точно случайно обожгла кого-нибудь.

Пока мою грязную посуду, слышу, как дверь на кухню приоткрывается.

– Если думаешь, что самая умная, то это не так. Я тебе его не отдам, тупая ты малолетка, поняла меня? – звучит из уст этой суки, и я готова разорвать её на мелкие кусочки в эту же самую секунду...

Глава 6.

Доманская Кристина (Мелочь)

Смотрю на неё и слышу за дверью тихие шаги. Секунда, и эта идиотка со всей дури бьёт себя по щеке и взвизгивает.

– Ааааай!

Я морщась, пытаюсь понять, что происходит, и в кухню заходит встревоженный Илья.

– Что такое?

– Она меня ударила! – вываливает эта стерва, и я выключаю воду.

– Ты вообще больная? – спрашиваю её, а Илья, похоже, полностью уверен в том, что она сказала правду.

– Кристина, ты что творишь, блин?!

– Ау! Я не трогала её!

Эта актриса погорелого театра ревёт. Яр стоит, выпучив глаза, а Лена хмурится, глядя на меня, когда Илья помогает этой сказочнице пройти к выходу. Я смотрю на сестру ижимаю плечами.

– Я реально её не трогала. Она сама себя ударила. Больная какая-то.

– Кристин, тишшш, – затыкает она меня, а я в диком шоке от ситуации в целом. Через секунду ко мне из прихожей подходит Илья. Они уже собраны и намереваются уходить, а он так разочарованно на меня смотрит, что мне хочется про-

валиться сквозь землю.

– Я был о тебе лучшего мнения.

Поднимаю на него взгляд и глаза слезятся от этой несправедливости. Это нечестно, чёрт возьми! Я не заслужила!

– Я этого не делала, – ещё раз повторяю, а он уходит, сцепив при этом зубы. – Илья... Ты же знаешь меня...

Какая же она сука... Витя подходит ко мне и приобнимает.

– Молодец, что втащила ей, – ржёт он, а я кривлю губы.

– Я реально её не трогала. Она подошла, обозвала меня тупой малолеткой. И сказала, что ни за что мне его не отдаст.

– Чё?

– Да. А потом ударила сама себя.

– Пипец... Всё хуже, чем я предполагал...

Стоим в проходе и неожиданно ко мне подходит Яровой.

– Давай, короч, Мелочь, отойдём... Поговорим... – зовёт он меня, и я иду с ним в комнату.

После моего рассказа он выдыхает и хмурится.

– Слушай, ну... Она какая-то конченная, выходит.

– Ты мне веришь?

– Конечно я верю. Вспомни Шахову.

– Да... Я помню, к сожалению... Только вот, что делать, и как убедить его, что я этого не делала?

– Он взъелся ведь не только из-за этого, верно? Между вами что-то происходит... Не до конца... Понятное. Так?

– Так...

– Я поговорю с ним. Но, знаешь, в таком деле лучше дать

человеку самому раскрыться и налажать. Если эта Ирина... Такая... Как ты говоришь. Она покажет себя.

– Ага. Только они уже будут женаты и с детьми, – саркастически отвечаю, и он начинает хохотать.

– Мелочь, ты куда так разогналась?

– Он меня не слышит. Считает меня импульсивной, наглой и вредной. Думает, что я способна ударить кого-то? Он правда так считает?

– Не знаю, Крис... Наверное, дело в том, в какой обстановке всё произошло. Вы ругались и вот... Неудивительно.

– Что он сказал тебе?

– Блин... Крис...

– Скажи мне...

– Что поцеловал тебя... И что теперь ему хреновасто из-за этого.

– Потому что не понравилось?

– Наоборот, Мелочь. Если я что-то знаю о лучшем друге, так это то, что он бы не стал рассказывать, если бы не понравилось... Но он тебя боится.

– Меня... Боится?

– Того, что к тебе чувствует. Я такой. Он другой, понимаешь? А ты же у нас... Мягко говоря... Пламя.

– Сашка, мне так плохо... Я его люблю...

– Знаю я, малыха, знаю... Крепись... Дай ему время. Он остынет. А с этим у вас же ничё нет?

– Нет...

– Ммм... Была у нас подобная сваха... – хохочет он, а мне не до смеха вовсе. Думая о том, что произошло, я сильно расстраиваюсь. Когда выходим в зал, Витька играет с Горде-ем, а Ленка наблюдает за ними и улыбается. Племяш с таким энтузиазмом рассказывает ему о том, какая у него будет машина, когда он вырастет. И я так люблю их семью. Между ними настоящая любовь. Сильная, нерушимая... Прошедшая через уйму испытаний. Закаленная болью и ненавистью. Это, возможно, плохо... Но они прошли через это вместе... А теперь... Моя боль начинает преследовать меня даже во снах.

Но если Илья думает обо мне так плохо, то нам точно не по пути. Он поверил человеку, которого знает два месяца, а не мне... Которую знает семь лет. Это уже говорит о наших с ним отношениях больше, чем надо. Мы с Витей прощаемся с моими родными и идём вдвоём до нашего двора.

– Да не переживай ты... – приобнимает он меня за плечи.
– Не гони. Она – стерва. А таких никто не любит.

– Ага... – бурчу себе под нос и смотрю вверх. – Ладно, мама ждёт... Я пойду.

– Хорошо... Крис, не грусти, – бросает он вслед, а я ухожу в подъезд с понурым видом.

Чувствую себя максимально паршиво. Настолько, что меня всю колотит внутри.

Я захожу домой, а там натыкаюсь на обеспокоенную маму. Она смотрит так, будто что-то произошло. Глаза на мокром месте.

И у меня в мгновение кровь стынет в жилах.

– Мам... Что такое? Что с тобой?

– Маленькая, ты только сейчас не нервничай, ладно?

– В смысле? Мам... Маааам... – сбрасываю с себя куртку, сапоги и подхожу к ней ближе. – Что...?

– Я заболела, родная... – говорит она мне, заглядывая прямо в душу.

– Заболела... Поехали тогда к врачу? Или ты на дом вызвала...? Может, сделаю тебе чай с лимоном? А там ещё малиновое варенье было...

– Кристин... У меня рак, дорогая.

На этих словах сердце моё разлетается на тысячи частей.

Я не могу дышать. Не чувствую ног и громко натужно вскрикиваю на всю квартиру, вцепившись в родные мамины плечи...

Я в Аду...

Глава 7.

Послушать... Вайб.

MONA – Босая.

Я приду к тебе босая,

Даже если в сердце твоём лёд не тает.

Плечи твои обнимаю,

Хоть и понимаю, у тебя другая...

За тобой пойду ко дну,

Ты молчишь, и я тону,

Но понимаю, что живу...

Пока ты рядом...

Илья Шолохов (Шолох)

– Как твоя щека? Нормально? – спрашиваю на пороге квартиры, открывая дверь своим ключом. Отец вроде как на юбилее у друга. Говорил, что задержится сегодня.

– Немного болит...

Осматриваю в коридоре, придерживая её за лицо.

– Вроде прошло покраснение, – говорю я, нахмурившись.

– Давай, переодевайся.

– Может, кино посмотрим?

– Да, давай, я не против. Сейчас вернусь, – говорю ей и исчезаю в ванной.

Кристинка... Не верю, что она могла так сделать. Это, блин, капец как стрёмно. Просто отвратительно.

Слышу, как мобильный вибрирует и вижу незнакомый номер на экране. Она звонит? Ведь чую, что она... Объяснить-ся хочет? Снова врать?

А сердце всё равно не на месте. Я даже не могу проигнорировать. Так нельзя. Это точно, блин, она...

– Да? – поднимаю и слышу, что она плачет. Да не просто плачет, а натуральным образом ревёт, будто случилось что-то страшное, но она всегда такая эмоциональная.

– Ты... Ты можешь, пожалуйста... Приехать...

– Зачем, Крис? Что такое? Если ты из-за Иры, так просто не нужно было этого делать и всё...

– Мне плевать на Иру, я этого не делала! – заикается она, а я пытаюсь успокоить.

– Кристин, ты не плачь, ладно? Выдохни, прошу тебя... Всё хорошо.

– Илья, у мамы нашли рак...

Разряд...

Дефибриллятор.

Остановка сердца.

На этих словах у меня всё внутри заклинивает. Самому становится так больно, что я и пошевелиться не могу. И знаю одно... Что должен быть рядом. Вот прямо сейчас должен. И похер мне на всё остальное.

– Ты дома?

– Да...

– Крис, я сейчас буду. Дай мне семь минут, – сбрасываю и

просто выхожу из ванной, а Ира хмурится, пока я одеваюсь.

– Илья, ты куда?

– Мне надо... Ира, я к Кристине ненадолго...

– Что?! Ты что?! Она меня ударила, а ты едешь по первому её звонку?!

– У неё мама заболела. Мне надо к ней, ясно?

– Ясно. И когда ты вернёшься? Можно мне с тобой?

– Нет, Ира, нельзя. Когда вернусь, не знаю. Она, в первую очередь, мой друг. Я не могу её оставить в такой ситуации и плевать мне, что там между вами произошло, – признаюсь честно, хоть она и недовольна сказанным. Но мне реально пофиг.

– Закройся.

Спускаюсь и бегу в тачку. Приезжаю к Доманским за считанные минуты. Поднимаюсь и Мелочь открывает мне вся в слезах, рухнув на мои плечи. Если бы можно было описать, что чувствую при этом...

Как старые раны солью посыпали. Все воспоминания. О моей матери. О её запахе, голосе, словах мне снова поднялись на поверхность. Жжёт... Кровоточит. Болит. Но мне нельзя этого показывать.

Она девочка, ей больнее.

– Малыш... Мне жаль... Ты что-нибудь знаешь или пока ничего?

– Там... Четвёртая стадия... Рак груди... Операция невозможна... И... – она плачет, а меня душит её болью. Ей всего

семнадцать... И у неё нет такого отца, как у меня... Да никакого, блин, нет. Теперь есть только Яр... И я...

– Зайди, прошу тебя, – Кристина смотрит прямо в душу, и я киваю.

Её мама уже спит. А мы с ней идём к ним на кухню. Я даже не знаю, как об этом говорить. Мне и самому до сих пор больно.

– Я рядом, Кристин... Если что-то... Понадобится. Какие-то перевозки, что-то ещё... Ты Лене не говорила?

– Нет... Я не знаю пока, как сказать... У них сейчас ребёнок... Я знаю, что надо. Но... Я и сама только узнала.

– Я рад, что ты позвонила мне.

Не знаю уж, сказала она своему Вите или нет. Да и это не имеет никакого значения.

– Мне страшно, – говорит она, глядя в одну точку, и я обнимаю её, прижав к себе.

– Я знаю.

– Ты можешь хоть ненадолго остаться... Хотя бы на чуть-чуть...

– Могу.

Она утыкается носом в мою грудную клетку и снова плачет. А мне так хреново, что не передать словами. Я не хочу для неё этой боли... Если б мог – забрал бы себе. У меня чувство, будто меня разрывает изнутри. Это, сука, чертовски больно...

– Кристин... Хорошая моя девочка...

– Илья, я не трогала твою девушку. Ты мне веришь? – шмыгает она носом, а я даже не моргаю. Стираю с её лица слёзы и смотрю в карие глаза.

– Не важно. Мне это не важно, Крис.

– Мне так плохо...

– Верю, – обнимаю её крепче. Сжимаю хрупкое тело и целую в макушку. Так дохрена к ней испытываю, что не могу уместить это внутри себя. И тогда, когда жму к себе, и когда она тянется к моим губам. Собираю с них соль и не могу ей надышаться. Знаю, я – ублюдок. Урод и все прочие оскорбления. Но я не могу от этого отказаться... Теряю счёт минутам в этом взаимодействии. Рядом с ней всё всегда слишком... Она спалит меня к чертям, я знаю. Но пока я просто разделяю её боль. Я чувствую, как нам обоим это необходимо. За этими далеко не робкими касаниями случайно задеваем кружку и еле спасаем её от падения. Зато наконец оба открываем глаза.

– Прости, я не должна была...

– Всё в порядке.

Мою грудную клетку сейчас разломает к чёртовой матери, а так всё в порядке, да...

Она смотрит на меня, а я на неё. Где найти слова, чтобы помочь человеку? Где их, чёрт возьми, отыскать?

– Ты должна понять, что слёзы ничего не решат... В этом деле нужно больше общаться. Проводить время с мамой... Наверное... Я несу чушь...

– Нет. Конечно, нет. Только ты и поймёшь меня... Нас... Я, наверное, и не усну сегодня.

– Я могу побыть, пока ты не уснёшь...

– Правда? Ты побудешь со мной? – шелестит она, утирая слезы. Я просто молча киваю. И тогда, когда она заводит меня в комнату, ложусь с ней рядом и прижимаю к себе её тело.

– Мне с тобой... Спокойнее. Легче...

– Я знаю, мне с тобой тоже.

– Илья, – Мелочь разворачивается ко мне лицом и смотрит прямо в глаза. – Ты здесь, потому что жалеешь меня, да? Ответь честно...

– Я здесь, потому что мне и без тебя хреново, и с тобой просто ужасно, Кристинка... – говорю, коснувшись её лица.
– Ты – кострище...

Она закрывает глаза, а я просто жду, когда уснёт. Слышу, как в тишине её комнаты хреначат наши сердца. Просто разрывает. Она меня прикончит...

– Я ждала тебя. Это был мой первый поцелуй, – шепчет она, чем окончательно выбирает почву у меня из-под ног. В смысле первый? – Витя – не мой парень. Он просто друг. У него вообще есть девушка. Всё это ерунда... Я просто сказала, чтобы тебя позлить. Но мне никогда и никто не был нужен, кроме тебя... Только ты, Илья... Я не наседаю. Я знаю, что если человек не любит, его ничем не удержать. Жалость – не то, на чём строятся здоровые отношения... Я просто должна была тебе сказать... Завтра тебя уже здесь не будет. Но ты

знай, что... Ты навсегда у меня внутри.

– Не говори глупостей, ладно? – глажу её по голове, успокаивая. – Я приеду и завтра, и послезавтра. Я буду с тобой каждый день... – убеждаю её, а внутри все швы расходятся. Я без неё реально уже не смогу. – Потому что ты тоже у меня внутри, Мелочь. Ты навсегда там, поверь. Ты такая одна.

От автора: Решила сегодня тоже дать главу... Кто на связи и читает, отзовитесь) Мне очень приятно получать комментарии)

Глава 8.

Илья Шолохов (Шолох)

Я караулю Мелочь у дома битый час. Ире я сразу сказал, что могу купить ей билет обратно до Смоленска, чтобы она не ждала меня сейчас. Но дома я быть с ней не могу, потому что нужен в другом месте. Она решила несмотря на это остаться здесь. В моей квартире. Не знаю уж, что она здесь будет делать без меня. Но переубедить не стал.

Всё-таки изначально мы планировали совсем иначе провести это время.

А теперь не понимаю, почему Кристина игнорирует мои звонки... Да и Лене звонить тоже не могу. Вдруг она ей ещё не сказала?

Замечаю её вместе с мамой вдалеке и замираю. Вижу, что она напряжена до предела. Ведь тоже уже заметила меня. Но уходить никуда не собираюсь. Это моё принципиальное решение.

– Здравствуйте, – здороваюсь с её мамой и забираю у них тяжёлые пакеты. – Чего не сказала, что в магазин нужно? Я бы свозил.

Она недовольно молчит и сверлит меня своими карими.

– Илюша, поужинаешь с нами?

– Мама, нет, Илюша уже уходит, – перебивает Мелочь.

– Вообще-то я никуда не ухожу. И я с удовольствием с ва-

ми поужинаю, – смотрю на неё, а она на меня. С осуждением. Зорко. Будто я сделал ей что-то плохое, но я ведь этого совсем не хотел. Её мама мило улыбается, а мне приходится наглеть, взяв инициативу в свои руки. Хотя я не привык действовать так грубо, но она, блин, выбора не оставляет. А я ясно дал понять, что хочу быть рядом каждый день. Сейчас я чувствую, что нам обоим это нужно. Так чего бодаться? Сама ведь этого хотела. А теперь ведёт себя иначе...

Помогаю разгружать продукты. Мою руки. И слышу, как Мелочь шушукается с мамой.

– Ты ведь в него влюблена... Что не так?

– Всё не так, мама! Он с другой!

– Если бы он был с другой, его бы здесь не было.

– Уверена, он её дома оставил. Из жалости пришёл.

– Дочка, глупости. Он так смотрит.

– Никак он не смотрит. Плевать ему на меня, – фыркает она и идёт готовить, а я прохожу мимо её матери.

– Как Вы себя чувствуете?

– Знаешь... Бывало и лучше, – говорит она, наигранно улыбаясь. – Но справлюсь. Спасибо, Илья. Ты поговори с ней. Она у меня огненная...

– Это точно...

Обхожу её маму, улыбаясь, и захожу на кухню к Мелочи, присаживаясь за стол.

– Давай помогу?

– На! – она психованно кладёт возле меня нож и колбасу,

а я, не моргая, смотрю на неё.

– Что я сделал? Вчера всё было хорошо... Что не так?

– Илья, не нужно было приходить. И звонить тоже!

– Как не нужно было? Я не хотел оставлять тебя одну с этим. Почему я из-за этого стал плохим? Кристин, я порой не понимаю. Объясни мне. Я хочу с тобой быть.

– Нет, не хочешь. Ты хочешь быть с Ирой! С ней ты просто так! А со мной только потому что мама заболела, вот и вся правда! А мне так не надо, Илья! Пусть лучше ты будешь счастлив, но с другой! Той, которую любишь.

– Кто сказал, что я её люблю?!

– А... Нет? – она растерянно смотрит, а я хмурюсь.

– Я её не люблю. Это вообще не то...

– Что же тогда?

– Отношения с другим человеком... Просто отношения...

– Зачем же такие нужны... – шепчет она, недоумевая. На её лице столько изумления и отторжения. Но я реально не люблю Иру. Необязательно ведь любить, чтобы быть с кем-то, да?

– Не все созданы для любви, Кристина.

– Ну а я... Создана именно для неё, Илья.

Я другого и не ожидал...

Смотрю на неё и вспоминаю ещё один общий момент, который я всеми силами затолкал поглубже и стараюсь не вспоминать...

Это было немного раньше того мимолётного поцелуя.

Мне двадцать один, ей пятнадцать. Они снова были всей толпой у меня в гостях.

– Если у тебя такой будет, он уже родится с клюшкой в руке, – шуточки от Яра, как обычно, не в счёт.

– А ты хочешь ребёнка? – спросил меня ребёнок, что сидел рядом.

– Если когда-нибудь... Но явно не сейчас.

– Это хорошо, я как раз вырасту.

Я тогда промолчал. Меня как токомшибануло. Она вообще не стеснялась говорить, как ко мне привязана.

– Покажешь мне откуда берутся дети, – вот этот момент, когда давишься воздухом. Просто на ровном месте. Я чуть не выкашлял сердце. Мне было ужасно неловко слышать это от пятнадцатилетки. Но я тупо сделал вид, что её слова пролетели мимо моих ушей, и я просто подавился.

И сейчас... Слыша это «я создана для любви, Илья»... Я даже не знаю, что сказать. Будто я этого ещё не понял... Раз ждала меня целых два года. Раз никого даже не целовала... Понятно, для чего и для кого она создана...

– Ты не нервничай. Сейчас твоя мама придёт. Давай хотя бы один ужин проведём без скандалов и истерик, ладно? В спокойной обстановке...

– Так не получится, Илья. Я не Ира.

– Прекрати. Я знаю, что ты не она. И я здесь, а не там.

– Ммм, – скептически отрезает она, отвернувшись. А я подхожу сзади и просто накрываю её плечи ладонями. Она

вздрагивает и замирает с ножом в руке, опуская тот на столешницу.

– Кристина... – целую каштановую макушку, чувствуя её дрожь. А потом она всхлипывает и резко разворачивается, вжимаясь в мою грудную клетку своим лицом. Так и стоим... В обнимку. Горим, посылая во вселенную сигнал SOS. Тушить этот пожар я пока не научился... Но и перестать чувствовать к ней это тоже не получается.

Связь удаётся разорвать только когда мы слышим, как открывается дверь ванной комнаты. Я стираю слёзы с её щек и чуть касаюсь пальцем её губ. Невесомо, но... Пытаюсь сосчитать до десяти, чтобы успокоить пьяное сердце. Однако у него, кажется, уже началась белочка. Потому что я вообще не могу от неё оторваться. Просто как привороженный касаюсь невинного румяного лица и выжимаю всю нежность в одном касании...

– Моя мелочь... – произношу очень тихо, но она это слышит, а потом в кухню входит её мама, и мы все втроём приступаем к готовке.

Я не знаю, что со мной творится, но хочется верить, что скоро пойму это...

– Как всегда, вкусно...

– Кристину Лена учила в основном. А уж Лену я, – смеётся её мама, пока мы едим плов. В моей семье всегда готовила мама, а после того, как она умерла, мы с отцом прорывались в основном на сух пайках. Он же тренер. Ему было

некогда этим заниматься, да и мне с моими тренировками. Всё на бегу. И вот я встретил этих двух девчонок. Которые будто родились с половником в руках. В хорошем смысле слова. Я знаю, что она будет хорошей женой. Импульсивной, да. Несдержанной. Но хорошей.

– Если Вам что-то надо, Вы мне напрямую тогда звоните. Отвезти куда-то. А-то от Кристины не дождёшься.

– Хорошо, Илья.

– Я здесь вообще-то, – заявляет она обиженно.

– Я вижу. Тебя трудно не заметить.

– Ага.

– Ладно, молодые... Я пойду прилягу. Вы сильно не ругайтесь, – шепчет её мама, выходя из-за стола, а мелочь кривит губы.

– Доволен? Что она теперь подумает?

– Что ты – вредина, – отвечаю, улыбаясь, а она вся пыхтит.

– Побуду с тобой.

– Зачем?

– Потому что хочу.

– А как же Ира?

– А она не хочет, – отвечаю я с улыбочкой. – Выдохни, малыш... Я всё равно никуда не уйду. Я – твой друг. Буду рядом.

– Друг, значит?

– Ага.

– Ну что ж, друг. Мой тогда посуду. Я пошла к себе в ком-

нату... – деловито произносит она и бросает меня одного с губкой, моющим средством и горой посуды... А я вздыхаю, но при этом улыбка сама лезет на лицо. Только она одной фразой или взглядом может заставить меня испытывать этот коктейль из эмоций внутри... И мне начинает казаться, что я становлюсь зависимым от этого...

Глава 9.

Кристина Доманская (Мелочь)

Зачем он здесь, если не звала? Любит? Жалеет? Что у него на душе? Не понимаю его...

Выжидаю в комнате своего нового «друга» и прислушиваюсь. Реально моет посуду? Сумасшедший...

Через десять минут Илья заходит в мою комнату и демонстративно молчит. Смотрю на него и весь внутренний мир поддаётся панике, как при крушении самолёта.

Что мне ему сказать?

– Давай поговорим...? – присаживается рядом.

– Давай. Как твой Суперкубок? Как Европа? Спорю, всё было круто, раз ты ни разу не написал... Интересно, ты тогда уже спал с ней...

– Кристина. О нас давай поговорим. Хватит, – перебивает он, взяв меня за руку, и я, глядя на это, проглатываю в горле ком.

– О каких нас? Ты её бросишь? Ты будешь со мной?

Илья несколько секунд молчит, будто переваривая сказанное. Чувство, будто у него кончилась оперативка, но это мои слова так его вышибают. Я знаю, он не привык. А я наоборот. Мы разные. Как огонь и лёд. В этом наша беда.

– Ты неугомонная... Безумная. Просто невозможная, – говорит он, а я хмурюсь. Внутри скачет тысяча демонов. По

большому счёту он прав, но это не ответ на мой вопрос. – Иди сюда.

Я впервые вижу Илью таким решительным. Не знаю уж, я его подталкиваю. Время... Или что другое... Но он перетаскивает меня на свои колени. Господи. Я сижу на его коленях. Меня всю колотит. Он так одуряюще вкусно пахнет. Мне кажется, я сейчас завалюсь в обморок. Его широкие ладони приходятся по моей спине. Мы оба шумно безумно дышим на всю комнату. И мне кажется, что стены в помещении уже плывут. Я не в себе...

Илья касается пальцами моего лица, пока мои бегают от его губ до острого взгляда серых глаз. Я в нём погрязла.

– Вот чё ты такая красивая... М? Мелочь...

По телу дрожь. Не могу дышать. Если открою рот буду пищать. Но и бросаться в его объятия не хочу. Впервые чувствую, что должна сохранять внутренний стержень нестигаемым...

– Что ты делаешь? Ты говорил... Что пожалеешь. Что не должен был. А сейчас ты будто просто... Из жалости...

– Замолчи, ладно? – шепчет он, рассматривая меня. – Ты всё портишь...

– Ответь мне.

– Я скажу Ире, что не могу быть с ней. Сразу как вернусь домой. Договорились?

Мне кажется, мне это снится... Он это сказал или я нафантазировала?

– Обманиваешь?

– Я когда-нибудь тебе врал? Хотя раз в жизни, Мелочь?

– Нет.

– Ну вот и всё. Отменяй свои обиды... Свои обещания любить другого.

От его слов внутри грудной клетки так щекотно. Словно я в ожидании чуда. Чуть подаюсь вперед и невесомо касаюсь его губ своими. Илья в моей комнате. Я у него на коленях. Целую его... И он сказал, что бросит свою девушку... Он обещал мне... Он мой...

– Ты... Я тебя... Шолохов... – сжимаю ворот его толстовки и тяну на себя. Ближе. – Поцелуй меня. Поцелуй как тогда...

– Нет.

– Почему?

– Сожрать тебя боюсь, – шутит он, посмеиваясь, а я вжимаюсь в его лоб своим.

– Может, я не боюсь? Может, хочу, чтобы сожрал? М?

– Кристина, ты такая сумасшедшая... Вот реально... И не говори потом, что не предупреждал.

Секунды не проходит... Рывок. Я на кровати. Шолох на мне. Всасывая мои губы, прибавляет мои руки к подушке, и я просто жмусь к нему всем телом, мечтая почувствовать весь его жар. Я ведь знаю, что он горит. Уверена, его кожа просто кипит. Особенно там... Блин, как же мне хочется его трогать. Хочется понять, что это такое. И да, боже, хочется увидеть его голым. Очень-очень хочется. Все эти эротиче-

ские романы... В них так красиво пишется любовь. Секс... Я и до восемнадцати дотянула только потому что мечтала отдать себя именно ему. Его язык сейчас хозяйничает в моём рту. Он так меня целует. По-собственнически. Сильно. Животно. Мне так это нравится. Я чувствую дрожь буквально повсюду. Вдыхаю его особенный запах и таю под ним. Наконец понимаю, о чем говорила мне Лена когда-то. Что от запаха своего человека весь организм взрывается. Со мной это сейчас происходит... И от его запаха, и от вкуса.

А мои пальцы тянутся коснуться его тела. Я никогда его не трогала... Но я же знаю... Едва касаюсь его твёрдого тёплого торса с прорисованными мышцами, он останавливается. Меня внутри всю подбрасывает на волнах. Я чувствую, как это волнительно и как безумно приятно. Господи... Мы рвано дышим. И наши взгляды встречаются. Его безумно рассерженный и мой...

– Не надо так делать, Кристина.

– Почему? Я хочу тебя касаться... И не только.

Едва произношу это, как он слезает с меня, шумно вздыхает и проходится ладонью по лицу.

– Я не могу. Тебе даже восемнадцати ещё нет.

– Ну и что?

– Ничего, – перебивает он, строго на меня зыркнув. – Я сказал – нет.

– Но... Осталось десять дней.

– Вот тогда и поговорим, – говорит он и встаёт с кровати,

направившись к моему окну.

– Ты такой правильный, аж тошно!

– Вот как? Хотела, чтобы я был аморальной сволочью?

– Нет, но... Что аморального в том, что я хочу тебя трогать?

– Ага... Сначала тело. Потом член, да, Мелочь?

Я тут же хихикаю, прикрывая рот ладонью. Признаюсь честно, мне понравилось, что он так сказал. Из его уст прозвучало максимально горячо... И мощно.

– Ты обещал мне показать откуда берутся дети... – улыбаюсь я, а Шолох оборачивается, сложив руки в карманы и щурится.

– Я нихрена не обещал. Это ты тогда сказала так, – протестует он, чем ещё сильнее меня удивляет.

– Ты помнишь?

– Я помню всё, что ты мне когда-либо говорила...

– Ладно... – подхожу я ближе. – И тебе не нравится... Когда я касаюсь тебя? – примыкаю к его телу и снова проталкиваю пальцы в запретное место, прибивая его к стене. Мало того, что он горячий, так ещё и стальной. – Блин... Какой ты классный, боже... А... Я сказала это вслух, да?

Илья хохочет надо мной, а я реально балдею. Мне так это приятно. Трогать его литое раскаленное тело. Ощущать его своим, а себя взрослой.

– Нравится, конечно...

– А так? – веду ладонью ниже и останавливаюсь между его

ног. Как он там сказал... Сначала тело, потом член...? Сам направил меня... Господи, какой твёрдый и большой.

Глаза в глаза, и от улыбки на его лице не остаётся и следа...

Глава 10.

Кристина Доманская (Мелочь)

Кажется, он в шоке от моей напористости.

– Вот это точно нет, – он снимает с себя мою руку и громко дышит.

– У тебя ведь... На меня?

Вздыхаю, а он закатывает глаза, напрягаясь при этом так, будто мы уже делаем что-то запретное.

– Закрыли тему, окей? До восемнадцати вообще ко мне не суйся в таком ключе.

– Хо-ро-шоооо... Зануда, – улыбаюсь, а потом прижимаюсь к нему, обнимая за плечи. – Спасибо тебе, что ты здесь... Мне было так плохо и только с тобой хочется жить дальше...

– Не надо так говорить. Жить надо в любом случае. Я тебя понимаю, Кристина, очень, но... Послушай меня. Жизнь одна. Ты одна. Понимаешь? – он убирает мои волосы за плечи, а его пальцы ложатся на неё. Соединяясь в замок сзади... Так тепло. Приятно. Нежно. Закрывая глаза, я слушаю его хриплый баритон.

– Не воюй с самой собой...

– А с тобой?

– А со мной тем более...

– Я пойду посмотрю, как там мама... Может ей что-то нужно... – шепчу ему, и он кивает, целуя меня в макушку.

– Если что я рядом.

– Хорошо.

Иду к маме, чувствуя, что всё лицо горит. Надеюсь, она ничего не слышала...

Стучусь, и она отвечает.

– Ты как, мам? Ничего не нужно?

– Ничего, дорогая. Всё нормально.

– Мам... Я завтра... Пойду к Лене и расскажу, ладно?

Она молча кивает, а я вздыхаю.

– Может заберём Гордея на выходные?

– Да, конечно, – соглашаюсь я и подхожу ближе.

– Кристин... Будь помягче с ним. Он ведь не такой, как Саша. Не такой как ты. Понимаешь?

– Я понимаю... Но порой... Я не могу остановиться, а он словно создан для того, чтобы меня разжигать.

Мама смеётся.

– Это пока... А потом он будет тебя тушить. Я это вижу. Чувствую.

– Мне страшно, мам... Что будет потом?

– У тебя всё будет хорошо. Есть Лена и Саша. Они никогда тебя не оставят, родная.

– Я знаю... Просто... Я тебя очень люблю, мама.

– Я знаю, моя хорошая. А я тебя люблю. Вы мои золотые. Мои доченьки...

И снова у меня слёзы бегут ручьём. Снова я не могу себя контролировать. Да и кто бы смог... Врагу не пожелаешь по-

добного... Обнимаю маму, и пытаюсь успокоиться. Она гладит меня по голове... И на секунду время для нас с ней останавливается...

– Ты всё сможешь, малышка... Всего добьёшься...

Только через пятнадцать минут возвращаюсь к Илье, а он держит в руках одну из моих книг и улыбается как дурачок.

– Это жесть какая-то... – удивлённо произносит, перелистывая страницы.

– Почему?

– Ну... Хотя бы потому что... Он заполнил собой её тугую сладкую щель... Что это, блин, такое??? – показывает он мне роман, а я закусываю губу.

– Эротика. Дай сюда, – вырываю у него свою книжку и листаю. – Ты просто не так читаешь... Фрагментами... Это же любовь...

– Это ебля, Кристина. Причём довольно развратная ебля.

– Ну, пусть так... Пофиг, – отмахиваюсь я, глядя на него, и ставлю книгу обратно на полку.

– Давай сменим тему... Жеесть, – повторяет он, ухмыляясь, и выдыхает. – Как мама?

– Нормально... Вроде...

– Хорошо...

– Тебе уже нужно уходить?

– Я бы хотел остаться ненадолго...

– Ммм... Мы будем целоваться? – улыбаюсь, а он закатывает глаза.

– Ты в курсе, что думаешь только об одном?

– А ты... Об этом совсем не думаешь?

– Думаю. С тех пор как ты мазнула меня губами у Яровых дома...

– Да? – мне кажется, у меня сейчас треснет лицо. От радости, что я испытываю, когда он говорит мне это.

– Да...

– Илья, я... Я ведь могу быть спокойнее... Такой, какую ты хочешь, – жмусь к нему и прячу глаза, зарываясь носом в его толстовку.

– Я хочу чтобы ты была собой, – он гладит меня по спине, а я ловлю его сердечный ритм. Стучит как барабанной дробью... Его так же волнует каждое сказанное слово. Он ведь у меня ледяной... А здесь. Со мной. Стоит и плавится без доли сопротивления. Под моими чарами сходит на нет...

Я обнимаю за шею. Он поднимает на руки. Мне кажется, время снова замедляет свой ход. Мы снова целуем друг друга. И снова в огне.

Когда каждое твоё нервное окончание подвергается бешеной встряске... Когда мир кружится, будто вы на аттракционах... А вы даже из комнаты не выходили... Это значит, твоё. Твой человек. Твоя возвышенность. Вершина, которую ты достиг рядом с ним.

Мы заваливаемся на кровать, и я залезаю сверху. Обхватываю его руки и прибиваю их к голове, полностью опустившись к нему губами. Мне кажется, я бы только и делала, что

целовалась с ним... Или занималась этим... Только это бы, блин, и делала... У меня от всего этого внутри всё клокочет. Я хочу, чтобы он меня любил. Чувствую его возбуждение и по всему телу бегут жадные ненасытные импульсы...

Но я знаю, что он контролирует себя намного лучше. У него принципы. И если Илья что-то сказал, значит, так всё и будет... Десять дней... Всего каких-то десять дней. Я уже решила, что отдамся ему день в день и пофиг мне на всё.

– Со мной ведь иначе, правда? Скажи, что иначе, – прошу я его, ощущая, что ревную его.

– Иначе, Кристина.

– Тебе нравится? Это... Со мной...

Илья хмыкает, ухмыляясь.

– Ты явно начиталась чего-то... У меня чувство, будто ты вытягиваешь из меня слова. А я так не хочу.

– Тогда скажи сам!

– Ну вот. Опять... – смеётся он, обхватив ладонями моё лицо.

– Скажу, когда не будешь гундеть, договорились?

Он издевается? Мне нужно знать...

Но вместо ответа Илья снимает с себя цепочку со своим талисманом. Я знаю, что это за вещь. Это кулон его матери. У меня к горлу подкрадывается здоровенный ком. Я не знаю, что говорить, а он надевает её на меня. Пальцы непроизвольно вцепляются во флисовую ткань.

– Она говорила, что жизнь – это повод радоваться и лю-

бить. Сколько бы печалей и трудностей не выпадало на твой путь. Этот кулон, что она мне отдала, приносил мне победы и покой. С ним я чувствовал себя защищённым. Свободным. Сильным...

– Ты отдаёшь его мне?

– Тебе сейчас это нужнее. И я хочу, чтобы ты была сильной и свободной. Это то немногое, что ты заслужила, маленькая. Я не знаю никого, кто умеет так открыто чувствовать...

Глава 11.

Илья Шолохов (Шолох)

Чувствую себя последним подонком, но должен признать-ся, что пока целую её все мысли только о сексе. Обычно со мной такого не случается. Я всегда был сдержан, а с учётом того, что Кристина ещё девочка, я вообще не понимаю, как так могу себя вести. Но как себя ломать? Особенно когда она так нагло и настойчиво трогает меня везде, где приспичит. Маленькая заноза.

Ситуация с Ирой из ряда вон, но я обещал. И рядом с Мелочью я действительно чувствую в груди изменения. Это не желание задурить маленькой девочке голову, не просто секс или что-то типа того... У меня с ней башню срывает. Она необыкновенная. Реально самая будоражащая девчонка, которая была в моей жизни. Пусть я ещё не до конца знаю как, но мы с ней можем хотя бы попробовать, верно? Хотя бы попытаться.

– Привет, я так скучала...

По моему возвращению Ира обнимает меня на пороге квартиры, а я придерживаю её за плечи и хмурюсь.

– Нам надо поговорить...

– Там твой папа хотел... Сначала, наверное, с ним надо?

– Да, хорошо. Идём.

Мы проходим на кухню. Видимо, они пили чай. Отец

странно поглядывает на меня, будто догадывается, где я был, а я смотрю на него в ответ.

– Илья, я завтра уеду на три дня, до Казани. Там попросили помочь. В жюри посидеть.

– Ясно, понял.

– Всё хорошо, сын? Вид у тебя какой-то заполошный...

– Всё нормально, пап. Просто день тяжелый.

При Ире я не хочу говорить подробностей о Кристине и её маме. Поделюсь с ним чуть позже. А пока мы болтаем, отец рассказывает про соревнования, на которые едет.

После ужина мы с Ирой закрываемся в моей комнате. Я даже не знаю, как начать этот сложный разговор, но тянуть уже просто некуда.

– Ир... Ты присядь, ладно?

– Что такое... Илья, ты меня реально пугаешь... Что с тобой происходит в последнее время?

– Слушай... Всё началось давно. Мне было восемнадцать, когда я встретил Кристину. И сейчас всё... Вышло на другой уровень.

– Вы что переспали??? – спрашивает она в ужасе. У неё такой вид при этом, что мне самому становится страшно от этой фразы.

– Нет, но дело не в этом. Я просто должен быть с ней...

– Почему?! Потому что у неё мама болеет?! – восклицает она, и у меня в груди тот час же всё сжимается.

– Нет, потому что у меня внутри к ней чувства... Много

чувств, и мне жаль, что я так необдуманно поступил... С тобой...

– Илья... Ты не понимаешь, да? Она просто задурила тебе голову. Молоденькая, видная. Я понимаю. И я не сержусь. Но у нас ведь всё серьёзно. Всё спокойно... – она гладит мои плечи, а у меня внутри всё грохочет и взрывается. – Илья... Илюш... Любимый мой...

За эти два месяца она впервые говорит мне эти слова. Звучит как манипуляция. Я и не думаю, что она это всерьёз.

Какой я, нафиг, любимый?

Она и поехала-то со мной из Смоленска, потому что её мама была в отъезде, а она не хотела одна быть дома. Отца у Иры нет. Я предложил познакомить со своим. Потому что мы бывали у них в гостях и мне было как-то неудобно, что я тусуюсь у них и знаком с матерью, а она толком и не знает ничего о моей семье. Тем более, что её мама спрашивала о моём отце. Теперь я понимаю насколько тупо поступил и как поторопился. Потому что, пытаюсь вытолкать из головы мысли о Мелочи, я загнал себя в чёртов тупик.

– Ир... Ты прости меня. Но я тебя не люблю.

– Не любишь, – нервно смеётся она. – Ну, конечно... Не любишь.

Она психованно хватается кофту со стула и бежит к двери, но я перехватываю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.